

Дмитрий Миронов

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Так говорил Ихтиандр

Дмитрий Миронов
Так говорил Ихтиандр

«Автор»

2017

Миронов Д.

Так говорил Ихтиандр / Д. Миронов — «Автор», 2017

Сборник рассказов о любви и одиночестве. Пальба, беготня, слезы и сопля. Содержит нецензурную брань.

© Миронов Д., 2017

© Автор, 2017

Содержание

ТАК ГОВОРИЛ ИХТИАНДР	5
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дмитрий Миронов Так говорил Ихтиандр

ТАК ГОВОРИЛ ИХТИАНДР

Яблоки рассыпаны по коридору, они везде – на общей кухне в тазиках, на газете, в карманах плащей и курток. В дальней комнате мать орет на сына-первоклассника, учебный год начался, осень.

Человек сидит на кровати контуженный сочным сновидением, пытается прихлопнуть, зацепить ускользающие фрагменты. Он помнит мелодию, слышал даже, как шуршит иголка по краю пластинки и все как бы замерли перед стартом. Синкопы бутылочных этикеток, незнакомых женских лиц и голых задниц, кокаиновые слоны, слезы и сопли. Но вся эта карусель слилась в оранжевое пятно, портал памяти захлопнулся, нет, там было что-то еще, какие-то конкретные лица и осмысленные, очень разумные действия.

За окном утренний звездопад, блестит полумесяц в фиолетовой дымке, слышно, как хлопает дверь парадной; эхо лижет стены старого дома. На полу грязная сковородка и пустые бутылки. Отвратительное зрелище – грязная посуда на полу...

Комната большая, квадратная, классически поделена шкафом на две половины, за шкафом кровать, телевизор, у окна письменный стол. Крошечное бра освещает картинки, распечатанные на принтере, черно-белые фотографии, прилепленные скотчем к обоям. На одной "Beatles", совсем еще дети, за их спинами – подворотни Ливерпуля, блестит булыжная мостовая. А вот Купчино: двор с помойкой, "хрущевки", Цой, Рыба, Свин, Болт, Алекс тоже смеются.

Человек вернулся из кухни с дымящейся кружкой, мокрое полотенце полетело на веревку. Включил компьютер.

Вчера он отправил свой новый рассказ на литературный сайт, вот он третий сверху в ленте на главной. Шесть комментариев от полуночников, пока одни дебилы, к вечеру отметятся достойные люди, тогда и надо ответить, поблагодарить.

Телефон, ключи, мелочь на обед, все на месте. Соседям в коридоре – здравствуйте, доброе утро, и вниз по ступенькам, бегом на работу.

Метро. Потоки чужого дыхания, запах зубной пасты, каждое утро одни и те же лица, телодвижения, даже машинист приближающегося поезда всегда один и тот же.

– Проспект просвещения, следующая – Парнас.

У метро служебный автобус, коллеги курят, тянут ладони.

– Привет, Антон.

– Привет.

Ждут только его, он садится рядом с водителем, поехали. Родные склады сразу за виадуком, шлагбаум, пропуска, мальчики, девочки по своим раздевалкам.

Фыркнул, завелся погрузчик, зажужжали рич-траки, поползли вверх роллеты на воротах, Антон идет встречать новую партию узбеков. Узбеки прибывают каждый день, с баулами, нарядные, прямо с поезда, еще перепуганные цивилизацией.

Он, как Оскар Шиндлер, со своим списком ходит вдоль шеренги, выбирает, отворачивается от несчастных аксакалов. Приходится изображать агрессию, нервничать, материться, так легче погасить приступы сочувствия. Нужны двое. Остальным не повезет, пойдут на склады "фреш". О, они уже слышали фрэш-мэш! Мазги сыктым! Там весь день будешь носиться как ужаленный без перекура на обед, и ленивых бьют палками злые молдаване бригадиры.

Сегодня последний день перед отпуском, в обед Антон получил два конверта с зарплатой и отпускными.

Вечером у метро долго не прощался, купил коллегам по бутылке пива и поехал домой один.

Утро. День первый.

Итак, у него есть месяц. Время начать, страниц на триста, что бы не утонуло в Сети, что бы потом напечатали на бумаге, и хрустела обложка и острые листы резали пальцы у покупателя в "Доме Книги" Еще ничего нет, ни идеи, ни главных героев, белый квадрат монитора, как чистый лист бумаги...

Может о девяностых? У него есть чего вспомнить, и еще пачка газет и журналов тех времен, Антон нашел их на кухне в соседском столе, сосед уехал, стол остался. Газеты с желтыми полями, на фотографиях ничего не разобрать.

– На торгах Московской межбанковской валютной биржи курс доллара составил девятьсот семьдесят четыре рубля, курс немецкой марки – пятьсот шестьдесят девять рублей, финляндской марки – сто семьдесят. Ельцин едет в Голливуд, кассовые аппараты оптом. Ерунда какая-то.

Книга с вырванными страницами наполовину, на обложке "мерседес", пачки долларов, рука с пистолетом. Название кровавыми буквами. Произведение начиналось так – кооперативный ресторан, пьяные бузят – не хотят платить, несчастный хозяин зовет на помощь своего повара. Повар – дядька два метра ростом в тельняшке Николай Штормов ветеран Афгана, пинает ножкой охламонов по мордасам, те в ужасе убегают. Но это не все. В зале сидит еще один клиент, солидный пожилой мужчина, он все видел. Предлагает Николаю настоящую работу, – я подумаю, говорит Николай, ну и так далее.

Золотое время для такой галиматьи, печатали тоннами, торговали со столов у метро, как пивом или мороженым в любую погоду. Выгружали целыми контейнерами на складах дома культуры имени Елизарова. А в самом ДК толкучка, народу...

Весна девяносто второго, Антон только из армии.

Встретил одноклассника – летит, пиджак до колен, штанишки зеленые, носки белые, картонные туфли модные такие с "лапшой"

– Здорово! Сколько лет, сколько зим!

– О, привет. Есть партия джипов! Надо? Бери!

– Спасибо...

– Ты где сейчас?

Ответа ждет, глаза круглые.

– Да нигде, вот только дембельнулся, а ты как?

– Кручусь!

И поскакал дальше.

Как некрасивы были женщины той весной в треугольных кожаных куртанах а-ля "жук", красных сапогах, куриными коками на голове. У метро ящики, торговля, ларьки. Азербайджанец Тамерлан на первом этаже снимал комнату у алкашей. Он постоянно был немного растерян, он охренел от денег, и с сожалением смотрел на местных.

– Здесь все мое, – говорил он, – этот ларек, этот, вон тот.

Его земляки тянули лапы из своих стеклянных нор, приглашали девушек на "день рождения" Как и любая напасть, все это смылось в унитаз забвения – ящики, тамерланы, красные сапоги.

Шея! Вот...

Корефан по прозвищу Шея, они познакомились на ринге стадиона Ленметростроя. Разбили друг другу лица, потом шли вместе после тренировки.

Шея жил с мамой в Озерках. Телевизор "филиппс", магнитола размером с чемодан, и угол комнаты завален импортными тряпками, спортивные костюмы в целлофановых пакетах, коробки с кроссовками.

– Магазин "Рибок" на Невском открылся, они нам контейнер со шмотками отдали, наличмана не было. На, померяй.

Шея работал с Мазаем и Герой Корлеоне крышевали маклаков у ювелирных магазинов.

– Как-то прилетели черные вдесятером на одной "восьмере" – вау! Ми! Ми теперь здесь будем! Ми! Шум, вонь. Забили стрелу в Пулково. У Мазы «ппш» старенький, у Геры "макаров", у меня нож. Приехали, сидим, ждем. Лес, ручей. Вижу – едут, кароче, мы им из машины выйти не дали, шамальнули из всех стволов, уши заложило, я думал все, оглох навечно. У "восьмеры" руль отскочил, вся машина в дырках, один убежал прямо в болото, провалился по яйца, за березку держится, плачет. Знаешь, что он мне сказал? Не убивай, братом твоим буду, заложником твоим буду! У нас патроны кончились, я ему нож в глаз воткнул по самую рукоятку и буль-буль. Оружие выкинули автомат не жалко, все равно к нему патронов нет, а "макаров" новенький был...

Он постоянно гнал такие байки по дороге из спортзала до метро. И все повторял – надо валить отсюда, подальше, от этой советской власти, которой не будет конца, только нужна "тема", нужны деньги. Так он и пропал в конце девяносто третьего. В том году много "пацанов" исчезло – уехали, просто канули неизвестно куда. Конец «коллективам» и «массовкам» по двести человек, приватизация смыла всю шпану кровавой пеной. Заводы, фабрики, утекали из одряхлевших государственных лап в клешни частного капитала – холдингам, АО, ТОО. Это тебе не ларьки крышевать.

Антон потянулся, выглянул за занавеску, все белым-бело, тропинка из-под козырька его подъезда до подворотни. Наконец-то. Станет чище и тише. Антон не любил лето, прятался в прохладном, продуваемом сквозняками складе, в отпуск уходил всегда осенью, когда меньше людей на улицах, блядского солнца и насекомых. Пора прогуляться, пора опохмелиться.

В рюмочной на Владимирском залпом кружку пива и сто грамм беленькой, закусил горячей котлетой.

В "Галерее" блаженно пьянел на кожаном диване, полчаса назад он переделся в новые джинсы, свитер, ботинки, прошелся мимо зеркальных витрин, вещи скрипели и вкусно пахли. Вставать с дивана не хотелось, толпа шелестела где-то сбоку, какое счастье, думал он, целый месяц...

С набережной Фонтанки повернул к дому в переулок Джамбула, в пакете мурлыкала бутылка водки, сейчас он съест ее под Интернет. Завтра продолжит, а послезавтра весь пол в блевотине и бутылки с мочой...

Да нет, шутка, конечно же.

Навел порядок вокруг монитора, открыл бутылку, разложил закуски и включил компьютер. Как обычно – высокий рейтинг и длинный хвост комментариев под его рассказом, надо ответить, поблагодарить, пообщаться, завтра он исчезнет – потеснят "новые поступления". Полистал ленту сегодняшних новинок, многих Антон давно знает, глупые животные, попробуй, скажи правду, не поймут, будут топтать ножками, грызаться. В профайл заглянешь, залюбуешься – юристы, нефтяники, головы седые, один часами сверкает, часы дороже этой облепленной фотографиями комнаты. Я пишу для себя! Вранье, никто не пишет для себя.

Вот жил человек, все есть, и вдруг его озаряет. Да! Он сможет, у него получится. Но надо время, надо много свободного времени. Он постоянно теперь где-то прячется, что-то записывает на клочках бумаги. Уволился со службы. Жена в шоке.

– Зачем, Гриша?

– Я писатель...

– Я так и знала.

Жена собирает вещи, пакует детей, уезжает к матери. Друзья смеются. И вот чудак отправляет свой роман, например, на "Литсбыт". Муки ожидания. Первый комментарий от пробегающего мимо гавнокритика – дристя! С ним соглашается второй гавнокритик – зае-

бался шкrolить. Кто-то вяло похвалит, кто-то даже что-то посоветует, а еще хуже – пожалеет, и через пару дней все это смоеется с главной странички сайта, станет еще одной какешкой в океане такого же, откровенно говоря, абсолютно нечитабельного и, как правильно замечено в первом комментарии, кала. Ну, ничего! Я еще покажу вам, говорит чудак, и вываливает очередную дристню еще жиже.

Не, потом найдет, конечно же, какой-нибудь уютный ресурс, кладбище графоманов, с добрыми "коллегами" и плюшевыми редаками. Где у автора есть "отдельный кабинет" и каждому высеру припечатывается индивидуальный номер, чтобы не украли «произведение», что вы, не дай Бог. И чем все это заканчивается? Никто не знает, у каждого своя тайна.

Хорошо, если ты разумный – да, это действительно не мое, нефиг людей смешить, а если ты дурак, несчастный и упертый, да еще годков за сорок пять.

Разумеется, есть приличные авторы, Антон всегда с удовольствием читает, хвалит – пиши еще, братан. Но таких очень мало. Есть поэты и поэтессы, стихи! Здесь хоть поржать можно.

Не смешно все это на самом деле, вот Антон в десятке лучших за последний год, почти классик сетевой литературы.

– А хули толку.

Месяц. Если у него не получится, завяжет, забудет. Все забудет, выкинет из головы. Женится во второй раз, и будет нормальным обычным человеком.

Как-то у него была минута славы: в прошлом году он ездил в Москву на ежегодную тусовку "Литсбыта". Бухали в ресторане на Красной Пресне, ему вручили футболку с логотипом сайта за победу в конкурсе. Он померил подарок в туалете, футболка оказалась мала, и он отдал ее одному поэту, с которым этим же вечером возвращался в Петербург. О футболке потом жалел, что сделаешь, пьяный был дурак. С поезда сразу на работу, двадцать восьмое декабря, последний рабочий день, он мучительно ждал корпоративной вечеринки.

Ее звали Катя, работала у них несколько месяцев, девочка в кожаных штанах, в том году было очень стильно – героиня из фильма "Девушка с татуировкой дракона", к сожалению, Катя была толстой и некрасивой, но начитанной. С ней было интересно поговорить в курилке или по дороге домой.

После вечеринки они с Катей остались у магазина рядом с метро. Чокнулись баночками, он спросил:

– Ты есть "ВКонтакте"?

– Не, я на "Литсбыте" тусуюсь.

– Ни хрена. И как тебе?

– Круть...

Она назвала пару имен и его в том числе.

– Знаю, читал...

Это было его первое живое признание, даже там, в шалмане на Красной Пресне было не так, там все были одинаковые, все такие мучительно гениальные, да и запомнилась больше пьянка на Ленинградском вокзале.

Он не признался, страшно подумать, если узнают на работе.

– А у нас писатель.

– Что блядь! Где?

– Вон идет.

– Хи-хи-хи.

Лучше даже не думать об этом. С Катей попрощался, она обиделась, наверное, знала, что он живет один. Не тащить же эту корову к себе, он уже получил удовольствие, ему хорошо, с наступающим Новым годом!

Антон, вдруг, вспомнил женщин, которые были в этой квартире. Две пьяницы с работы, он и имен-то уже не помнит. Вылакали три литра водки, разумеется, у него ни хрена не получилось, утром разбежались по домам.

И была еще одна, познакомились на Сенной у "Макдоналдса". Лето, ночь, жарко, слово за слово и, два совсем незнакомых человека пошли вместе, оба пьяные. Для этого и существует алкоголь.

Утром она сказала – я тебя люблю. Его вытошнило, с трудом затолкал в себя рюмку водки, стало легче, она ждала ответа, сидела на диване в его рубашке, лохматая, ноги искусны комарами.

– Пойдем в магазин.

Купил себе и ей пива, дал немного денег и проводил до метро. Может, она и осталась бы у него жить на какое-то время, но он тогда болел другим именем. И только потом и сейчас во время ежевечерних сеансов рукоблудия вспоминал только ее тело. Бывало, несколько раз в припадке одиночества он буравил толпу на Сенной площади в поисках этой потерянной параллели своего бестолкового существования.

А сколько вообще баб у него было, нет, не проституток, это дело покупное. Стал считать, Господи, всего-то!

Открыл свою страничку "В Контакте", давно сюда не заходил, стена заляпана еще новогодними соплями, с двадцать третьим февраля, святым Валентином, котики, банты, зайчики, гирлянды. Семьдесят друзей. Кто все эти люди? Откуда? Не, вот есть Леха – когда звонит, значит бухой. Жена его в спортивном костюме, альбом называется "аэробека)))" Жаба, даже фигура жабы – плечи, как у штангиста, плоская жопа. Вот Леха в обнимку с дельфином, голубая вода, песок, пальмы, дети – "египет)))" Дальше – "мой сынуля)))" тысяча одинаковых снимков. Блядь, кому это интересно? Твой сынуля задушит тебя потом за квартиру или сипровизирует кухонным ножом в героиновом припадке на почве латентной слабости к извращениям.

– Ирочка...

Подружка его, тоже работала на складе, была в этой комнате. Молодая, красивая. Миллион кадров расфасованы по альбомам, вся жизнь, "Наше счастье!", "МЫ!!!". Кто это – мы? Кольнула ревность. Мурло квадратное, лысый, деловой, Архангельск. Ну почему бы и нет, дай Бог...

Еще несколько полузабытых портретов. Конечно им не до него, они делают то, что должны делать нормальные люди. Переезжают из коммунальных комнат в квартиры, меняют машины, детишек куча, отдыхают черт знает где, он таких названий и не слышал.

– Египет-хуипет, пойду завтра возьму кредит, куплю все, что есть у вас – любое гавно, которым вы так гордитесь. Каждый живет, как он хочет, вот мне ничего не надо, у меня ничего и нет.

Еще лица, совсем из прошлой жизни. Когда-то, вдруг, очень давно понадобилось жениться. Женился. Не понравилось. Развелся. Влюбился, тоже неудачно. Родители разменяли квартиру на проспекте Энгельса, переехали в Купчино, ему досталась вот эта комната в переулке Джамбула. Так он и живет один, срет буквами на литературных сайтах, рисует благодарным слушателям высосанные из пальца истории, ждет чего-то...

В ночь на воскресенье завывла метель, началась зима настоящая, та самая, которая до апреля. Надо как-то убить время до открытия винно-водочных прилавков. Телефон звонит. Замечательно, еще полчаса будут расстреляны необременительным трепом.

Олег Филимонов, тот самый поэтишка с которым он возвращался из Москвы в прошлом году.

– Здравова.

– Ну, привет.

Фил рассказал, что напечатал книгу своих стихов, арендовал на воскресение два квадратных метра в "Буквоеде" на Лиговском проспекте, будет сегодня сидеть торговать. Он уже обзвонил всех Питерских.

– Ого! Где денег взял?

– Да это копейки, сто буклетов где-то около семи тысяч, верстку я сам делал, ISBN – тысяча, ну и так далее, в общем, все по карману.

– Конечно, приду, возьму чего-нибудь.

– Да-да, "чего-нибудь" обязательно.

Поэта разглядел сквозь мельтешение мокрых спин, народу в магазине было много, метель ему в помощь. Он сидел за раскладным столиком, в футболке "Литсбыта" рядом у ног клетчатая сумка. На столике развал одинаковых книжечек и плакатик с надписью маркером: "торгует автор требуйте автограф", ценник – 100 руб. Легкий ажиотаж, одни бабы, фотографируют автора на телефоны и планшеты. Антон подошел, поздоровался, взял книжку, ушел к столикам. Растопырил мокрое пальто на вешалке, заказал сок. Книга называлась "Так говорил Ихтиандр"

Звякнула СМС-ка: "принес?"

Антон незаметно налил водки в апельсиновый сок, поставил стакан ему на стол, тот немедленно выпил. Антон разбавил еще, воткнул в коктейль соломинку.

– Не гони.

– Читаешь?

– Ага.

– Делай вид, что ты в ахуе, бровями умеешь шевелить?

– Глаза могу надувать, вот так.

– Ой, не надо.

Филимон стал часто бегать в туалет, Антон садился вместо него, хлопал в ладоши. Покупатели оборачивались.

– Как зовут?

– Настя...

Девушка в плаще, как у пьяниц семидесятых годов – с капюшоном и широким ремнем с круглой пряжкой. Когда Антон был маленький, алкоголики донашивали вещи модные в шестидесятых, женщины щеголяли в блестящих сапогах чулках на высокой платформе и таких вот плащах.

А девочка красивая, и он написал маркером на обложке: "Насте от Антона позвони сегодня" и телефонный номер.

– Кто такой Антон?

– Я.

– А где автор?

– М-м-м, а вон идет...

Филимон прибежал с расстегнутой ширинкой, лоб мокрый.

– Что здесь? Пожалуйста.

Он даже дыхнул на свой вензель, будто у него в авторучке чернила.

– Фу...

– Пардон, мадам, аромат перегара придает некий оттенок брутального шарма, вы не находите?

– Спасибо.

– Следующий!

Он рисовал вместо автографов то горбатого мамонтенка или смайлик чебурашку, подписывал книгу то своей настоящей фамилией, то сетевым псевдонимом, кому-то тоже нарисовал свой номер телефона. Клетчатая сумка похудела наполовину.

Антон следил за капюшоном. Видел, как она выбирает, ищет, листает страницы. Обернулась. Антон подошел.

– Погодка, да? И на улицу не хочется.

– Мне нравится.

– Где я мог тебя видеть? Я определенно где-то видел тебя раньше. Сейчас, сейчас...

– В Москве на вокзале, ты был пьян и этот лохматый тоже. Я читала "Русскую десятку", ты орал – смотрите! человек читает! Моей маме ты не понравился.

– Вспомнил. Да-да. Ты так таращилась на меня, помню, я еще подумал – что это с тобой.

– Я долго на всех таращилась. На всех и вся. Мне в Москве операцию делали, я много лет ничего не видела, грохнулась когда была маленькой с дерева на какие-то железяки.

– Слушай, чего мы стоим? Пойдем, у меня столик занят, я там соки пью. Будешь?

Она пожалала плечами, сняла плащ, повесила рядом с его пальто. Антон сделал пальчиками девушке за стойкой, что бы та подошла.

– Любишь стихи?

– Гопницкие очень.

– У тебя интернета нет?

– Есть, но я не люблю с монитора, еще не привыкла.

– А рассказы читаешь, романы там всякие?

– Читаю, здесь два моих любимых стеллажа.

– Сходи в Дом Книги, только не потратить деньги зря, там много самопала. Охламоны из интернета печатают книжки за свой счет, тот же кал, только на бумаге.

– А твой друг?

– Фил – гений!

– Знаю, а то бы я не потратила сто рублей.

А смеется, как дура, подумал Антон. Он плюхнул водки под столом себе в стакан, спрятал бутылку обратно в карман пальто.

– Извини. Будешь?

– Черт. У меня сегодня еще столько дел. Гению налей.

– А как же.

Антон налил ей сока из графина.

– Значит, ты была слепой? Разве это лечится?

– Лечится, если не с рождения.

– Расскажи. Можно я блокнот достану?

– Тоже поэт?

– Почти, только я в строчку.

Пока она говорила, он разглядывал ее из-под ладони, которой поддерживал свою голову. Мокрые волосы на щеке сложились в цифру девять, красивые руки без колец и лака, вена вздулась там, где начинается указательный палец, свитер с эмблемой заповедника штата Огайо. Как хорошо, что я надрался, думал он, трезвый никогда бы к ней не подошел. Любит Мэта Гроунинга и "Южный парк", черт подери, а они бы могли жить вместе и второй телевизор бы не понадобился...

Запиликал телефон в ее сумке, она сказала кому-то – сейчас буду. Уходить ей совсем не хотелось, это было заметно.

– Рада была познакомиться.

– Я тоже...

– Мне пора.

Так неожиданно.

Несколько секунд он тупо смотрел на стул, где она только что сидела, на ее пустой стакан. Когда она прошла мимо витрины, жмурясь от падающего в лицо снега, бросился ее догонять,

забыл сказать, что бы она обязательно позвонила. Потом. Как сможет. Настя успела перебежать Лиговский проспект, зажегся красный, даже если кричать, не услышит...

Настя чуть не забыла – сегодня в воскресенье она обещала сходить со слепой девушкой в спортивную школу, где-то далеко на севере города. Девушку звали Алина, подружка с "банды кротов". Настя вчера разговаривала по телефону с ее мамой:

– Вы вообще представляете, что такое гандбол?

Мама ответила, что это типа, когда все сидят на полу и, растопырив ноги, катают друг другу мячик.

– Возможно, что так оно и будет...

– Я адрес школы и деньги на кухне оставила, поедете на такси, это далеко. Там будет еще группа инвалидов.

День только начинался, им надо было к двум часам. Нормально.

Долго ехали, пробки из-за непогоды.

Тетка в спортивном костюме и с секундомером на груди дальше вестибюля их не пустила.

– Девочки, зал сейчас занят, вон еще ваши сидят, познакомьтесь пока.

Группа инвалидов – трое мужчин. Познакомились. Дядя Алик, дядя Боря и еще один с гитарой на ремне за спиной, он не представился. Им было лет за сорок, все в одинаковых штанах и куртках. Настя предложила:

– Пойдемте в столовую?

– Отличная идея!

Заорал дядя Алик, Алина вздрогнула. Сели за стол, Настя принесла поднос с компотом, мужчины продолжили прерванный в вестибюле разговор. Говорил Борис:

– Они у меня в подвале живут, сердце мне вырезали, какой-то механизм вшили, пощупайте, не бьется, и пульса нет. Пришельцы везде, маскируются под предметы, вот как вы думаете, это стакан? Стакан, я вас спрашиваю?! Откуда мы знаем?

Толстый седой дядя Алик, презрительно отмахнулся.

– Пришельцами сейчас никого не удивишь, на Земле и без них есть много удивительных существ.

– Например?

– На улице академика Вавилова, в доме номер семь дробь четыре, живет мой друг двухголовый человек.

– Господи...

– Да-да, он приходил к нему в больницу, только вторую голову прятал под куртку.

– Показал хоть?

– Не, мы и не просили, он и без второй головы страшный.

Все замолчали, было слышно, как стучит в спортзале мяч, свистит арбитр.

– А я Виктор Цой, – сказал мужчина с гитарой.

– Простите...

– Пятнадцатого августа девяностого года я тоже попал в аварию, лежал в коме, был там.

До этого гитару в руках не держал, а теперь даже сочиняю.

– Сыграйте.

Он секунду подумал, подкрутил колки на грифе, тренькнул пару аккордов и запел «Восьмиклассницу»

– Я хорошо помню тот день, – сказал дядя Боря, – в середине августа, когда утром в "Сайгоне" мне сунули «Ленинградскую правду», маленькая такая заметка гласила на весь мир – «Вчера в автомобильной катастрофе...». Помню, слезы сами потекли из глаз, немедленно побежал кому-то звонить, так плачут об умерших родственниках.

Алина слышала эту фамилию из трех букв, Настя знала по надписям на заборах, песенка им понравилась.

– Мамина помада, сапоги старшей сестры, мне легко с тобой, а ты гордишься мной!

– А что здесь за концерт?!

Тетка в спортивном костюме стояла на пороге столовой, ее взор буравил пустые стаканы. Бутылки не было.

– Идите вон, пожалуйста. Тренировки для вас сегодня не будет.

На ее добром лице читалось – для «вас» тренировки вообще никогда не будет, потеряйтесь навсегда, граждане инвалиды.

На улице гандболисты достали сигареты, прикурили.

– Дядя Альберт, как зовут вашего двухголового?

– Коля – Миша, можно просто Колей, он более умный.

– Ой, а это возможно посмотреть?

– Настька!

– Да тихо ты.

– Почему нет, он всегда рад новым друзьям, только сначала я сам зайду, надо предупредить, потом вы. Кстати, здесь не далеко.

Веселой компанией дошли до угла Вавилова и Северного проспекта, остановились у подъезда пятиэтажного дома.

– Вот, первый этаж. Ждите меня, я быстро.

Дядя Алик исчез. Через минуту, сквозь обитую ржавой марлей форточку было слышно:

– Выпустили?!

– Выпустили!

Потом радостная возня, собачий лай.

– Со мной мои друзья, мученики.

Тут же в окне проявилась женская кудрявая физиономия.

– Ребята, заходите!

Алик открыл дверь.

– Прошу вас, это – Муза.

– Ой, не разувайтесь, как я рада!

Толстая некрасивая Муза схватила Настю и Алину за локти и усадила в кресло.

– Девушкам почетное место, как я рада!

Остальные расселись на диване, Алик носился за Музой, помогая ей таскать из кухни чашки, ложечки, блюдца, расставлять это все на столе.

– Сейчас будем чай пить!

Собаки, запертые в соседней комнате, царапали дверь, Настя разглядывала квартиру. Вонючий коридор с плешивым линолеумом, две кепки на вешалке, гора собачьих поводков на стиральной машине, пустой сервант, деревянный телевизор, задумчивые лица в отражении антикварного зеркала.

Наконец хозяйка принесла чайник, хлопнула по двери собакам, те сразу притихли, стала разливать кипяток, капнула заварки в каждую кружку.

– Твои друзья хотят сосисок, я только с рынка?

Все хором отказались:

– Спаси-и-ибо...

Альберт подвинул Насте большую чашку с обсосанной каемкой и весело подмигнул:

– А Коля чай будет?

Муза пожала плечами:

– Он спал, сейчас спрошу.

Распахнула еще одну дверь, уже третьей по счету комнаты, было слышно, как она там открывает окно.

– Навонял...

Тишина. Все устали на дверной проем.

– Ну, ты идешь чай пить? Алик пришел с друзьями.

– Мяса купила?

– Сосисок взяла.

Хрустнул диван, шорох ног в поисках тапочек, твердые шаги, и появился он.

– Здравствуй, Альберт, здравствуйте друзья.

Если минуту назад было тихо, то сейчас, казалось, погасло все. Заткнулись часы, окопели голуби за окном, заглохли машины на улице.

Мужчина подошел к Алику, поздоровался с ним за руку. Одна голова на длинной, слегка выгнутой вбок шее разглядывала компанию, вторая спала на плече. У этой второй, слюна из рта повисла на груди словно аксельбант, шевелилось ухо. Алик удовлетворенно обвел взглядом публику.

– Разбуди Миху-то.

Коля подергал плечом.

– Мишаня, вставай, похмелиться хоч?

Алина теребила Настю за рукав:

– Ну, что там, а? Чего молчишь?

– Хорошо, что ты слепая...

Коля недобро посмотрел в их сторону. И тут дядя Боря бзданул невероятным оттенком звучания, будто брезент порвали. Снова залаяли собаки. Вторая голова распахнула один глаз, словно змея, ускользнула за воротник, остался торчать маленький острый кадык.

– Вы напугали его! Девушка, телефон уберите! Так, Альберт, кто эти люди? Вон отсюда!

Вышибая двери парадной, клубком выкатились на улицу.

– Разве это друзья! Вам, что, цирк здесь?!

– Он сейчас собак спустит, сюда!

– Чудище!

– В лес! Там не найдут! За мной!

Рванули по тропинкам вслед за Альбертом. Бежали недолго на центральной аллее парка рухнули на заснеженную скамейку, всех трясло больше от смеха.

– Уф.

– Все, больше не могу.

Собак не слышно, где-то далеко шумела улица, звенели трамваи на проспекте Науки. Желтые, оранжевые, красные полуголые деревья прямо на глазах, под уговором снегопада, прощались с остатками своего оперения.

Настя позвонила маме Алины.

– Да. Играем в мячик. Нам очень весело...

Из кустов выскочила запыхавшаяся тетя Муза.

– Мужчины, постойте!

Она отозвала Алику в сторону, они о чем-то спорили

– Я ждала тебя!

Аля, седовласый мальчик, слушал, печально кивал головой, потом вернулся к скамейке:

– Товарищи! Муза приглашает всех к себе в гости.

– Ура! Надо срочно выпить.

Виктор брякнул по струнам и все хором запели:

– Пустынной улицей вдвоем с тобой куда-то мы идем, я курю, а ты конфетки ешь! И светят фонари давно, ты говоришь – пойдем в кино, а я тебя зову в кабак конечно...

Пересекли кладбище, Муза с кем-то поздоровалась у церкви. Компания притормозила у «Пятерочки» за кладбищенскими воротами. Все скинулись у кого сколько было, в магазине Алину посадили на подоконник, Муза с Альбертом пошли выбирать водку и закуску, Настя заняла очередь в кассу, Цой с дядей Борей притормозили у киоска «Телефоны и планшеты Б/У».

Гремя пакетами, опять спустились к пятиэтажкам. Квартира такая же как у Коли – Миши, только на третьем этаже, хозяйка включила телевизор, переделась в соседней комнате в лосины и кофту, ушла с пакетами на кухню.

- Муза, стаканы!
- Алик, покажи!
- Как хорошо у тебя, Музочка.

Цой выложил на тарелку соленые огурцы, хлеб, Альберт разлил водку поровну по кружкам, рюмкам, стаканам, на кухне зашипела сковородка

- Аптекарь, – похвалил его дядя Боря.
- Муза, иди.
- Иду – иду в центр Жоржа Помпиду!

Все засмеялись, расселись вокруг стола, девушки на диване, остальные на стульях.

- Ну, за знакомство!
- Да уж, давно пора.

Пауза. Хором захрустели огурцы, Настя закашлялась, Алина махнула стаканчик лимонада за компанию.

- Сейчас колбаса будет готова.

Блестящие от жира, слегка подгорелые, бардовые ломтики вываливались из тазика, просились на закуску. На столе появились: сыр, маринованные помидоры, банка со шпротами. Пьяный дядя Алик пытался обнять Музочку, та отмахивалась, она внимательно слушала Борюсика.

– ... Ну, вот ей насильно пол и поменяли. Так на этой почве у нее шифер и потек, полгода у нас лежала или лежал, хрен теперь разберешь, потом перевели куда-то.

- Кошмар. Сознание женщины, тело мужика.
- Говорили, это ее дружок из олигархов так пошутил, за измену.
- Вот падла.
- Найдет денег, снизу отрежет, сверху приклеит, делов-то!
- Думаешь это так просто?
- Ну, вас! Давайте чего-нибудь веселое.
- Борька, наливай!

Дядя Альберт поднял вверх руку, сказал:

- А я, девочки, придумал слово на букву мягкий знак!
- А ну-ка.
- Да, интересно!
- Сейчас выпью, вспомню.

Когда стаканы брякнули доньшками о стол, Алька закрыл глаза, задвигал кадыком и вырыгнул:

- Иг-готтль.
- Как птичка...
- Я дарю его вам, Алина и Анастасия.
- Спасибо, а что оно значит?
- Ничего.
- Синоним к слову тихопомешанный.

Все опять заржали, Альберт отвернулся к телевизору.

– Нам никто еще не дарил новых слов, только его будет, наверное, не выгваривогрить, тьфу. Но мы запомним.

– Когда к дяде Боре в подвал? Мы еще пришельцев не видели.

– Много тайн на земле...

– Главное людям наплевать, вон Колю – Мишу во дворе каждый чурка знает, и что?

– Не, Муза говорит, немцы шлют посылки с консервами, правда такие, что и собаки не едят, благотворительный фонд какой-то.

Голая, с блестящей корой ветка тополя чирикала по стеклу, с нее упала пушистая полоска снега. Настя приоткрыла форточку, слишком накурено. Пропали Муза и Альберт, дядя Боря открыл вторую бутылку...

Вдруг за стенкой раздался гогот, дверь распахнулась, и из комнаты выбежал заплаканный дядя Алик. Не глядя по сторонам, протопал в коридор, грохнула входная дверь. Вышла Муза, поправляя прическу.

– Ну что, гаврики, о чем толкуете? Прекрасно, налейте и мне.

– С удовольствием, как раз меньше половины осталось, всем по чуть-чуть.

– Еще сходим!

– Генерала пошлем, – Муза соорудила себе бутерброд, – он мой друг и должен мне шестьдесят рублей. Ну, кто еще расскажет чудесную историю?

– Выпьем сначала.

– Конечно же...

– Когда я была маленькой, – подала голос Настя, все мгновенно притихли, – отдыхала летом у бабушки в Сиверском. Поехала однажды на велосипеде на станцию встречать папу и маму. Приезжаю, жду, четыре электрички прошло – нет моих родителей, опять обманули. Поела с горя мороженого, решила обратно ехать через лес по тропинке. Еду, жму на педали, солнце рябит сквозь елки – палки, вдруг вижу: из-за деревьев наш сосед дядя Паша выскакивает, через канаву перепрыгнул и быстрым шагом впереди меня пошкандыбал. Я его догоняю – здравствуйте, дядь Паш, он молчит, ходу прибавляет, здравствуйте, дядя Паша, кричу. Он все отворачивается, потом говорит – скажи Илье, пусть яблоню у калитки спилит. Мне смешно, зачем, спрашиваю. Он ничего не ответил, брык опять в кусты и пропал. Я домой приезжаю, настроение плохое, что родители не приехали. На следующее утро, когда завтракала, слышу шум на улице, плач. Я быстренько молоко допила и во двор. Бабушка у калитки стоит все соседи тут же, Павла Егорыча нашли, четыре дня по всему лесу искали, а он тут у тропинки помер. Инфаркт. Я чуть на попу не села. Не стала никому говорить, что со мной вчера на обратной дороге приключилось, вечером мама приехала, я все и забыла. Ильей моего деда звали, следующим летом играли мы в зверят с девочками местными, я и свалилась головой вниз с той самой яблоньки на какие-то железяки. Месяц в больнице лежала, реанимация, все дела, думали, что умру. Потом зрения лишилась, вот недавно операцию сделали, да здравствует академик Федоров. Такая история.

Все потянулись за сигаретами, Муза залпом допила остатки из своей кружки, откашлялась:

– Когда мне было семнадцать, за мной ухаживал очень интересный мужчина, непьющий, правильный, холостой. Старше меня лет на десять. Влюбилась я по уши. Долго он меня обхаживал цветы, вафли, кинотеатры, раньше так было не то, что ныне. И вот я решилась, зовет он меня в очередной раз, и я говорю – да. Матери про большую подругу наплела, новый лифчик надела, еду к нему. Он встречает, расфуфыренный такой, вокруг меня все бегаёт, шоколадом кормит. Я, как дура, и говорю: "Неплохо бы под шоколад коньячку!" Он вздрогнул, бросился ботинки надевать, сейчас, говорит, принесу, гастроном еще функционирует. Я мигом, жди.

Муза замолчала, горько вздохнула.

– И вот, тридцать лет жду. Пропал он, как в воду канул. Я тогда даже ночевать у него осталась, подумала, придет – разбудит, может, коньяк по всему городу бегаёт, ищет. Утром дверь прикрыла и домой поехала, звонила потом, звонила – как в могилу. Исчез человек. И свет в его окнах несколько лет не горел. Вот так.

Она заревела в ладошки, засмеялась.

– Зачем я это вам рассказала? Так! Я звоню Генералу, хочу еще водки! Дайте телефон.

Очень быстро, буквально через пять минут, нарисовался молодой веселый бомж в шароварах с красными лампасами. Он громко разговаривал и называл Музу Мурзилкой.

– Куплю нормальной! Ты ж меня знаешь!

Пока бомж ходил за водкой, уснула Алина, Цой тоже закемарил в кресле, гитару он спрятал за телевизор. Хозяйка сделала музыку тише, они с Борей танцевали медленный танец, держа друг друга за ладони и щекочась носами, как целуются эскимосы, Настя снимала все это на телефон.

Из магазина Генерал притащил с собой еще двоих, Муза сказала:

– О, какие люди!

В комнате стало шумно и тесно, на стол с грохотом выставили водку в разных бутылках с косыми этикетками, гости стали обниматься с Музой, Генерал, не спрашивая, переключил музыкальный канал в телевизоре на какую-то хуйню.

Этих двоих звали Пыня и Челентано. Еще один певец, подумала Настя, ну и рожи. Лысые, мохнорылые, зачем-то в спортивных костюмах. В народе таких зовут чертями или гандонами, отбирают у детей телефоны на улице, кланчат жетоны у касс метрополитена, потом исчезают навсегда, где-нибудь между ларьками в спальных районах.

Челентано увидел Алину на диване, присвистнул:

– Это я удачно зашел.

Ржач, скрип стульев, бульканье пошла по кружкам, стало тревожно. Муза попросила не материться.

– Здесь дети.

– Чтоб я матом? Вот уж хуй!

– Буга-га!!!

Надо уходить, телефон достать страшно, даже выйти в туалет страшно. Адрес какой, хрен знает, навигатор есть...

Алина застонала, захлопнула рот ладошкой, с криком у-э! вскочила с дивана, разбежалась и хлопнулась лбом о косяк двери. Настя подхватила ее, они успели добежать до ванной, Алину вырвало.

– Что с тобой, подруга?

– Не знаю, объелась чем-то...

Настя включила навигатор, запомнила адрес, набрала номер такси...

– У-э-э! У-э-э-э!

– Да, тише ты!

Настя вышла на кухню.

– Ой, извините...

Генерал писал в раковину.

– Заходи, не стесняйся.

– Девушка, машинку пожалуйста, адрес проспект Науки, дом четыре, корпус семь. Едем в центр...

– Дай-ка посмотреть.

Генерал легко отобрал телефон.

– Ух-ты!

Он изобразил какие-то цирковые пассы руками, и телефон исчез. Вытянул грязные ладони, осклабился, стал похож на пожилого китайца.

– Отдайте.

– А нету.

Настя бросилась в ванну, щелкнула задвижкой.

– Ну и сидите здесь! Сучки.

Генерал погасил свет и задвинул дверь тяжелой стиральной машинкой. Алина оклема-лась, она помыла голову холодной водой, выжала волосы.

– Поехали, Настенька, мне уже лучше.

– Приехали, по-моему. Нас заперли, подруга, телефон отобрали.

– А что делать?

– Не знаю.

– Весело. А мне так хорошо стало, я бы еще лимонаду выпила.

– Ну, так иди, посиди с ними.

– Плохие ребята?

– Да как тебе сказать.

– Слушай, я сильно здесь наблевала? Посмотри в ванную.

– Я ничего не вижу, свет погасили. Уроды.

– В гандбол я больше не играю.

– Дура.

Они засмеялись. В квартире начались танцы, задрожали стены, очень нехороший и непрерывный ржач слышали пленницы.

Тем временем из маленькой комнаты, с довольной харей вывалился Пыня – а вот и я! Он запикивал свой загорелый болт в ширинку. В комнате на кровати развалилась голая тетя Муза, она дрыхла, булькая носом. Ноги широко раскинуты, почти в шпагат, густо заросшая манда призывно подмигивала малиновым зевом.

– Борюсик, давай!

– Давай, Борька, пока она спит.

Дядя Боря уставился на мохнатый треугол. И тут его свело окончательно – руки переплелись в узел, пальцы скрючились, брови взлетели высоко на лоб, обильная слюна полилась на грудь.

– Э-э-э-у-у-у...

Пыня с Генералом стянули с него штаны, выскочил эрегированный член, Борю стали толкать к кровати, он отчаянно упирался, скользя носками по паркету, мотал головой, слюна летела во все стороны. И тут он кукарекнул и кончил!

Самое толстое ядро спермы плюхнулось прямо Музе в пупок, Боря упал, упали все, черти катались по полу, Челентано сидел за столом, икал, держался за живот. Сзади подошел Цой и со всего маху треснул ему гитарой по башке. Отличный получился воротничок! Пыня с Генералом вскочили на ноги, силы были не равны...

Вспышка света ослепила Настю, откатали стиральную машину, дверь в ванную распахнулась.

– Мне молоденькую!

Их за волосы потащили по коридору, Алина уцепилась за ножку стола, ее ударили по лицу, Настя верещала, как припадочная, ей пытались разжать колени...

И вдруг, будто гаубица выстрелила! Дом вздрогнул, входная дверь слетела с петель и замков на середину коридора, по ней, как по мосту, с оружием наголо в квартиру ворвались полицейские.

– Лежать! Лежать! Лежать!

В комнатах стало совсем тесно, полицейские начали драться, кроме Алины и Насти получили все, даже охеревшая со сна Муза и контуженный, со спущенными портками дядя Боря и раненый бутылкой по голове Виктор Цой.

Настя спряталась под столом, натягивала штаны и свитер, ее совсем раздели. М-да, подумала она, – какое сегодня число? Надо запомнить этот денек...

А тем временем в "Буквоеде" на Лиговском проспекте к Олегу Филимонову подошли и сказали, что бы через двадцать минут он испарился вместе со своими стихами, столиком и друзьями. Его срок до часу дня, потом придет какой-то профессор с лекцией, дети в белых рубашках уже начинали ставить стульчики в ряды для слушателей, на сцену вытащили трибуну.

Последние пять минут Олег раздавал книжки бесплатно. Сложили остатки в баул, Антон подхватил столик под мышку и они покинули магазин. Зашли к Филимону, зашвырнули все в кладовку.

– Предлагаю продолжить у меня на работе. Никого нет, тихо, спокойно.

– Да по фиг, главное не дома.

Олег работал в запасниках одного музея. Запрыгнули на Невском в троллейбус, поехали в сторону Васильевского острова.

В универсаме на Первой линии купили еды и водки, потом шли против ветра и снега вдоль стены очень старого дома, скорее всего, еще времен Петра Великого. Торцом дом выпирал на берег Невы и когда-то, наверное, обозначал въезд в переулок, давно разрушенный и ныне забытый.

Остановились у железной двери, Фил брякнул ключом в замке.

– Входи быстрее, я сейчас сигнализацию выключу.

Они поднялись по каменной лестнице в каморку под самой крышей, сложили продукты на столе, Олег сразу ушел за посудой.

Антон сел у полукруглого окна, было тихо, метели не слышно, он видел Эрмитаж на том берегу заснеженной реки, Ростральную колонну, белые с проталинами крыши, как на черно-белых открытках семидесятых годов. Каким бы еще секретным фотошопом вырезать навсегда этот металлолом на колесах, прущий по мосту и Стрелке, эту рекламу на крышах. И заменить. Чем? Можно пустить одинокий троллейбус, нарисовать негра в пальто на остановке, рядом военного в шинели с портфелем, пару беспризорников в растопыренных шапках-ушанках. На Стрелке экскурсионный "Икарус", это обязательно, это всегда, и крепко сбита в тесный кружок группа туристов. Пальто у негра с каракулевым воротником, советское, уебищного покроя, с квадратными плечами и ремешком на поясе. В любом универмаге висели по шестьдесят рублей, эту дрянь носили только негры и нищие...

Фил нарезал закуску, открыл бутылку, выложил хлеб на тарелку, вытер полотенцем рюмки. Попросил не переключать джазовую музыку в радиоприемнике, поставил на электрическую камфорку кастрюльку с водой.

– Ты сколько сегодня книжек продал?

– Половина у меня дома, значит, было пятьдесят, осталось девять штук, пять подарили, тридцать ушло к четырем часам, я считал деньги. Шесть штук пропали неизвестно куда.

– В следующее воскресенье пойдешь?

– Нет, остатки распродаю по магазинам и забуду, аренда в "Букве" дорогая, я же не буду продавать книжку по триста рублей. Наживы-то никакой, так, пиар акция, пусть знают нашего поэта.

– Опа, что это?

Антон держал в руке маленькую, изящную, лакированную шкатулку, на крышке готической вязью надпись "Alice in Wonderland", еще несколько таких коробочек сушились на подоконнике. Сразу и не заметишь.

– Помогаю одному человеку, делаю товарную упаковку. Заготовки у матрешечников покупаю, остальное все сам. Лучше спроси, что за товар. Вот он недавно расплатился, сказал налика нет...

Олег вытащил откуда-то из-под стола такую же коробоньку. Внутри в бархатной нише соединенные тонкой перфорацией лежали две серенькие марки.

– Я понял...

– Продается только в сувенирной упаковке. Говорят – убойной силы вещичка, эксклюзив.

– Ты сам пробовал?

– Одному стремно. Видишь, они парой лежат, не зря, наверное.

– Так давай...

– Бесплезно, мы же бухие.

– Ну, наливай тогда.

Закипела вода в кастрюльке, Олег закинул пельмени. Поговорили о наркоманах и наркоманских "сквозняках" в другие измерения. О снах и их фатальных предсказаниях.

– ...Это было года два назад, я возвращался откуда-то домой по Гороховой улице, я там снимал рум за одиннадцать тысяч, только развелся, и надо было где-то пересидеть пару месяцев. И вот, уже издали видел дом, в котором жил, и мне показалось, что как только я взглянул на свои окна, там погасили свет. В моей комнате никого не могло быть, ключ только у меня, окно я не перепутал. Смотрю, дверь нашего подъезда открылась, вышел человек и пошагал мне на встречу. Он глядел себе под ноги, опустив голову, будто всего стеснялся, прошел мимо...

– Ну и чего?

– Я сразу узнал его, понимаешь, вот, как люди узнают себя со спины на фото или видео. Даже пошел за ним, боясь окликнуть, потом отстал, испугался, что он обернется, наши глаза встретятся, я не был уверен, скорее всего, я обознался. Он вышел на многолюдный проспект и потерялся в толпе. Это был я, я сам. В квартиру тогда не вернулся, за вещами пришел с приятелем через неделю, два месяца жил у родителей на кухне на раскладушке.

– А ты ничего не ел?

– Не помню. Я в то время много с чем экспериментировал.

– Ну, понятно.

– Чего тебе понятно? Как ты объяснишь это.

– Что – это?

– Что? Ик... пардон.

Фил потушил сигарету в пепельнице.

– За мной! Только тихо, в том крыле охранник где-то гуляет.

Спустились вниз к стеллажам с ячейками хранения, пошли по длинному коридору мимо, вероятно, ненужных музейных экспонатов. Старинное холодное оружие, костюмы неизвестных народностей, попались даже доспехи.

Наконец лабиринт вывел их в тупичок с дверью под номером "101", Олег распахнул дверь, включил свет.

Маленькая каморка типа домашнего погреба, на деревянных полочках стояли запечатанные трехлитровые банки. В мутноватой жидкости застыли, словно космонавты в невесомости, голые человечки, дедушки. Кудрявые головы и длинные бороды, чуть приоткрытые глаза, крохотные пальчики на конечностях, все они были ростом с бутылку, половые органы отсутствовали.

– Что это маза-фака?

– Гномы, а вот русалка и водяной.

Русалка улыбалась, она занимала все пространство колбы, ей было тесно, голова с кулак, желтые волосы, грудки с ноготок, серое тельце внизу заканчивалось рыбьим хвостом. Водяной – плотный кусок шерсти с двумя белками глаз из-под густого козырька бровей.

Последний экспонат собака в круглом аквариуме. Пес как бы бежал куда-то, морда вытянута, взгляд мудрый, хвост кольцом. Внизу на бирке имя и цифры – "Милорд 2001-2012".

– Редкая порода?

– Нет, просто говорящая собака.

– Понятно, обыкновенная говорящая собака.

– У нас целая фонотека с записями, можно послушать.

– Гав-гав!

– Гау-гау!

– Ау-у-у!!!

Плюхнулись на четвереньки, завыли, залаляли.

– Гав-гав!

– Гау-гау!

– Ау-у-у!!!

Громыхая коленками вернулись в мансарду, животы болели от смеха.

– Ну и рожа у твоего гнома...

Молча выпили, поелипельменей, слышали шаги охранника внизу, хлопнула где-то дверь. Снежные хлопья падали и падали, казалось, это их деревянный звездолет летит вверх в сером космосе сумерек.

Антон снова распахнул сказочную шкатулку.

– Мне все равно, – махнул рукой Филимон, – я не буду, толку-то, пьяный в говнище.

Держи во рту, пока не растает.

– Ха-а-шо.

– Ты на хуя две-то слопал?

– Ой!..

Пустая шкатулка полетела под диван, Олег в легкой панике стал наводить порядок, оставил на столе бутылку и блюдо с парой бутербродов.

– Давай-ка еще выпей, что б я был спокоен.

– Да все норм... и блевать не хочется. Ладно, пора домой.

– Проводить тебя?

– Ну, пошли.

Ветра уже не было. Только все вокруг белым бело и сыро, город будто забинтован рыхлой, стерильной пленкой, которая приготовилась к утру растаять и с течь в Неву...

Олег посадил его в троллейбус, помахал рукой.

Антон вышел напротив Казанского собора, здесь можно по набережной канала, дворами, полчаса и он дома. Переходя по Мучному мосту, услышал оркестр, это там за спиной на Невском проспекте. Оркестр, будто приглашая и маня, заиграл еще веселее и громче.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.